

Ань Чанцин уже достаточно с ним общался, чтобы без труда распознавать, действительно ли тот злится или лишь притворяется. Отослав Ань Фу, Ань Чанцин осторожно разложил оба свитка на столе и с намеком ткнул пальцем в один из них:

— А ведь нарисовано и впрямь замечательно. Вышло даже красивее, чем я сам.

Сяо Чжигэ на мгновение умолк, после чего негромко произнес:

— Сам ты красивее.

Улыбка на лице Ань Чанцина стала еще шире. Бросив на него лукавый взгляд, он сказал:

— А мне кажется, на портрете получше. Интересно, кто же автор? Неужели поместный живописец? Нужно обязательно встретиться с ним и отблагодарить лично...

Взгляд Сяо Чжигэ на миг вильнул, и лишь затем он ответил:

— ...Нет.

— А кто же тогда? — с наигранным любопытством протянул Ань Чанцин. — Неужели... это нарисовал сам князь?

Сяо Чжигэ промолчал.

Ань Чанцин вспомнил, как в прошлый раз зашел в кабинет и застал мужчину за поспешным укрыванием чего-то — скорее всего, именно этой картины. Хлопая ресницами, он подошел ближе к Сяо Чжигэ и тихо спросил:

— Зачем князю тайком рисовать меня? И вообще, это полотно должно было стать платой лекарю Ху, когда же ты успел его вытребовать назад?

Сяо Чжигэ вновь ничего не ответил.

Видя, что тот упорно молчит и не поднимает глаз, Ань Чанцин аккуратно свернул рисунок и предложил:

— Мне очень нравится эта картина. Может, подаришь ее мне? А себе как-нибудь нарисуешь другую?

Долго молчавший мужчина наконец посмотрел на него и медленно произнес:

— Нарисовано плохо.

Ань Чанцин улыбнулся:

— А мне нравится именно эта.

У Сяо Чжигэ перехватило дыхание. Он смотрел, как юноша с сияющей улыбкой вертит в руках свиток с его собственным рисунком. А тот, что вышел из-под кисти Ху Шифэй, Ань Чанцин свернул и вернул обратно в вазу.

В груди словно плеснулась теплая волна. Сяо Чжигэ услышал собственный голос:

— Раз тебе нравится, я нарисую для тебя еще.

На самом деле живопись никогда не была его сильной стороной. Руке, привыкшей к мечу и копьё, кисть казалась неловкой и чужой. Однако всякий раз, взглядывая на оконченный портрет работы Ху Шифэй, он невольно думал о том, что его ванфэй наделен превосходной внешностью, и этот облик обязательно нужно сохранить. Чтобы даже когда они поседеют, они могли разглядывать эти черты и упиваться былым великолепием.

Но по какой-то неведомой причине ему отчаянно не хотелось, чтобы красоту Ань Чанцина запечатлевал кто-то другой. В итоге он просто взялся за кисть сам, воспроизводя в памяти родной образ штрих за штрихом.

Вот только мастерства ему не хватало, и, кое-как закончив портрет, он так и не осмелился показать его Ань Чанцину.

И все же его ванфэй, казалось, никогда не мог его разочаровать. Держимый им свиток был нарисован его собственными руками, и юноша произнес: ему очень нравится.

Сяо Чжигэ почувствовал... как тепло в груди мгновенно превратилось в обжигающий кипяток.

Примечание автора:

Но-но: — Тайком рисуешь меня... Неужели я тебе ну о-о-очень нравлюсь?

Сонсон (краснея): — ... (Угу).

— — — — —

Кажется, сегодня Сонсон все еще очень труслив~ Можно попросить немножко питательного раствора, чтобы добавить ему храбрости?

Прижав свиток к груди, Ань Чанцин вернулся в главные покои и принялся ходить взад-вперед, приглядывая подходящее место для картины. Сяо Чжигэ шел следом за ним и, хмурясь с явным недовольством, произнес:

— Эта не удалась. Вот нарисую хорошую — тогда и повесишь.

— А по-моему, эта замечательная, — возразил Ань Чанцин, не придав значения его словам. Он приложил свиток к стене, примеряясь, и добавил: — К тому же, все твои будущие картины мы тоже сможем развесить здесь.

С этими словами он позвал слуг и велел им повесить портрет.

— Жаль только, что я не владею даньцин, — произнес Ань Чанцин, запрокинув голову и наблюдая за тем, как слуги выравнивают полотно. — А не то я бы тоже нарисовал портрет князя. Повесить два портрета рядом — разве не прекрасно? Или можно нанять живописца, чтобы он написал парный портрет нас двоих.

Его лицо лучилось светлой, радостной улыбкой. Сяо Чжигэ пристально вглядывался в него, и от этих слов в его глазах блеснул неясный огонек.

Когда слуги повесили свиток, Ань Чанцин остался не вполне доволен и велел сдвинуть его еще немного вправо. Лишь убедившись, что теперь все идеально, он удовлетворенно кивнул, позвал Ань Фу подать чай и уселся пить его вместе с Сяо Чжигэ.

— Князь раньше учился искусству даньцин? — поинтересовался Ань Чанцин, глядя на

привычно молчаливого мужчину.

Если подумать, за две жизни он, похоже, так толком и не узнал Сяо Чжигэ. В прошлой жизни он ни разу не видел, чтобы тот брался за кисть. Этот человек всегда казался суровым и холодным. Его покрытые мозолями руки, казалось, самой природой были созданы для мечей и копий, но уж точно не для тонких кистей живописца.

— Учился в детстве, — опустив взгляд, ровно ответил Сяо Чжигэ.

Пусть Сяо Чжигэ и не пользовался любовью отца, в детстве он обучался вместе с остальными принцами. Тай-цзу империи Е был любимцем небес, мудрым правителем, одинаково искусным как в словесности, так и в военном деле. Принцы, будучи его потомками, разумеется, не смели посрамить славное имя Тай-цзу. Помимо обязательного заучивания Четырехкнижия и Пятиканоничия, они должны были постигать цитру, шахматы, каллиграфию, живопись и боевые искусства.

В детстве он не понимал тонкостей дворцовой жизни и знал лишь то, что венценосный отец не жалуется ни его, ни его драгоценную мать, хоть и не догадывался о причинах. Позже, видя, как старшего брата хвалят за успехи в учебе, он изо всех сил старался преуспеть, надеясь, что император похвалит и его, а затем наведается к ним с матерью. Вот только к изящным искусствам у него, видимо, не было никакого таланта, и, сколько бы труда он ни вкладывал, так и не удостоился ни единого доброго слова.

После смерти матери он с каждым днем становился все взрослее. Он бросил эти бесполезные попытки и с головой ушел в воинские упражнения и постижение военной науки.

Разумеется, открывать эти дела минувших дней и портить настроение Ань Чанцину он не собирался, а потому лишь сдержанно уклонился от ответа:

— Все принцы обязаны обучаться этому.

Ань Чанцин, довольный его ответом, спросил снова:

— А умеет ли князь что-то еще?

— Цитру, шахматы, каллиграфию и живопись. Всего понемногу, но без особого мастерства.

Кто бы мог подумать, что Бэйчжань-ван, выглядевший суровым военачальником, знался со столь утонченными занятиями! Ань Чанцину все больше казалось, что он знает о нем слишком мало. Однако чем больше он узнавал, тем сильнее убеждался: этот человек подобен необработанному камню, скрывающему драгоценный нефрит. Внешне он выглядит грубым и невзрачным, но стоит снять тонкую каменную корку, как внутри обнаружится безупречный, бесценный самоцвет.

— А вот я совсем ничего не умею, — с огорчением вздохнул Ань Чанцин. — Разве что книг прочел немало, а из изящных искусств мне не далось ни одно. Не станет ли князь презирать меня за это?

В клановой школе семьи Ань подобным вещам не учили: дети, посещавшие ее, в основном готовились к государственным экзаменам и заучивали формулы сочинений-багу. Чтобы обучаться живописи или музыке, требовалось нанимать отдельных учителей. К примеру, старшему и второму братьям Ань Чанцина, да и молодым господам из трех других ветвей рода нанимали наставников. Лишь Ань Чанцин, не пользовавшийся любовью в поместье, был лишен

всего этого: его обходили стороной и при обучении, и во время загородных прогулок.

Сяо Чжигэ нахмурился:

— Не стану.

И добавил:

— Если хочешь научиться, я сам буду обучать тебя.

Ань Чанцин лишь вскользь поделился грустью, но, услышав предложение, невольно воодушевился:

— Правда?

Сяо Чжигэ отозвался кратким:

— Хм.

— Тогда давай начнем с даньцин? — улыбнулся Ань Чанцин. — А когда научусь, я тоже напишу твой портрет.

Сяо Чжигэ слегка замер, затем взял себя в руки и с едва заметной улыбкой согласился:

— Хорошо.

\*\*\*

На следующий день после того, как поместье маркиза Чжунъюна подверглось конфискации имущества, Ань Чанцин отправился в поместье Ань.

Однако едва он переступил порог, как столкнулся со старшим братом Ань Чанъюем, которого не видел долгое время. Ань Чанъюй был законным старшим сыном госпожи Ли и старше его на шесть лет. После женитьбы Ань Чжигэ отправил его на службу в провинцию для набора опыта, и как раз в этом году тот вернулся в столицу с отчетом. По причине тяжелой болезни тещи в последние дни он сопровождал супругу, исполняя сыновний долг, и приехал обратно лишь пару дней назад.

И надо же было такому случиться, что они пересеклись именно в момент прихода Ань Чанцина.

Ань Чанъюй с улыбкой поклонился, словно был совершенно не в курсе всех недавних событий в поместье:

— Третий брат... о нет, прошу прощения, ванфэй! Надеюсь, вы в добром здравии?

Ань Чанцин тоже улыбнулся и сдержанно ответил:

— Все благополучно. А ты как, старший брат? Как поживал на службе?

— Все хорошо, все хорошо, — с приветливой улыбкой проговорил Ань Чанъюй, сворачивая в ту же сторону и идя рядом с ним. — Разве что на провинциальной службе приходилось несладко, за эти три года я натерпелся всякого. Но вот вернулся — и снова отвык. В поместье все стало совсем не так, как до моего отъезда. Вспоминая наши беззаботные детские годы, невольно

тоскуешь по той детской поре.

Его вздохи казались полуправдой, и Ань Чанцин, не до конца понимая, к чему тот клонит, предпочёл не поддерживать разговор, позволяя брату разыгрывать этот спектакль в одиночку.

В семье Ань если кто и походил на Ань Чжикэ больше всех, так это старший брат Ань Чанъюй. С самого детства он отличался умом, да к тому же был законным первенцем и старшим внуком, а потому в семье Ань его буквально носили на руках. Посоперничать с ним за благосклонность старой госпожи мог разве что Ань Чанци из второй ветви семьи. И все же Ань Чанъюй доставалось гораздо больше любви, а младшие братья и сестры безмерно уважали старшего брата и никогда не смели вести себя в его присутствии вольно.

И прошлый Ань Чанцин не был исключением.

<http://bllate.org/book/18381/1767646>